

Подавляющее превосходство японского капитала в рыболовстве Дальнего Востока России (1923—1926 гг.)

Анатолий Тимофеевич Мандрик,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.

В статье анализируются российско-японские отношения в области рыболовства на Дальнем Востоке в 20-е гг. XX в., а также процесс экономического проникновения Японии в рыбную промышленность России. На основе впервые выявленных архивных документов автор характеризует особенности японского рыболовства в северных водах Тихоокеанского бассейна, констатирует усиление влияния японских рыбопромышленников в российских водах и концентрацию японского промышленного капитала. Обосновывается вывод, что созданная под патронажем японского правительства гигантская корпорация «Ничиро геге Кабусики кайся» (Русско-японская рыболовная компания) монополизировала вылов рыбы, производство рыбопродуктов и различных консервов в Курило-Камчатском рыбохозяйственном регионе России.

Ключевые слова: российско-японские отношения, сфера рыболовства, японская рыбодобыча, концентрация капиталов, монополизация лова, дальневосточные воды России.

The Overwhelming Superiority of Japanese Capital in the Fishery of the Russian Far East (1923—1926).

Anatoliy Mandrik, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia.

The paper analyses Russian-Japanese relations in the field of fishery in the Far East in the 1920s and the process of Japan's economic penetration into Russian fish industry. Basing on new archival documents, the author describes the peculiarities of Japanese fishery in the northern waters of the Pacific Basin, states the increasing influence of Japanese fishermen in Russian waters and concentration of Japanese industrial capital. It is concluded that the giant corporation "Nichiro Gyogyo Kabushiki Kaisha" (Russian-Japanese Fishing Company), which was established under the patronage of the Japanese government, monopolized the fishing, production of fish products and various canned goods in the Kuril-Kamchatka fishery region of Russia.

Keywords: Russian-Japanese relations, fishery, Japanese fishery, concentration of capital, monopolization of fishing, the Far Eastern waters of Russia.

Проблема истории советско-японских отношений в области рыболовства в 20-е гг. не получила широкого освещения в отечественной историографии. Основное внимание исследователи обращали на изучение истории советско-японских дипломатических отношений¹, торгово-экономического сотрудничества Дальнего Востока СССР и Японии², эволюции представлений о России в среде японской интеллигенции³. Имеются также работы, в которых рассматриваются лишь основные тенденции развития японского рыболовства⁴.

Некоторые вопросы русско-японских отношений в области рыболовства рассматриваются исследователями, но периоду 20-х гг. XX в. авторы уделяют мало внимания⁵.

В данной статье отражены советско-японские отношения в области рыболовства после окончания гражданской войны на Дальнем Востоке на основе архивных материалов, впервые вводимых автором в научный оборот.

Из гражданской войны СССР на Дальнем Востоке вышел экономически слабым, и для Японии такое государство, в отличие от царской России, не было ни политически, ни экономически опасным конкурентом на Тихом океане.

Изменилась и Япония. По сравнению с другими странами Азии именно здесь создавались «условия наиболее полного развития товарного производства, наиболее свободного, широкого и быстрого роста капитализма»⁶. Японское правительство стало активно проводить политику буржуазного протекционизма, которая диктовалась необходимостью ускоренного развития национальной промышленности, освобождения страны от неравноправных договоров. Монополистический капитал укрепился в наиболее важных отраслях экономики: в судостроительной, строительной, металлургической промышленности и в торговле. Нарращивали свою финансовую мощь концерны «Мицубиси» и «Сумитомо», «Мицуй» и «Ясуда». Япония усилила своё политическое влияние в регионе, захватила ряд тихоокеанских рынков. Но её дальнейший расцвет был приостановлен усилившимся влиянием на Тихом океане Англии и США, которые вернулись в этот регион после Первой мировой войны.

В этих условиях японское правительство меняет свою тактику по отношению к России: от военной оккупации русского Дальнего Востока оно переходит к политике «мирного экономического внедрения» в хозяйство региона. И одним из основных как с экономической, так и политической точек зрения, в советско-японских отношениях оставался вопрос о рыболовстве в дальневосточных водах. Тем более что в годы Гражданской войны и иностранной интервенции, участницей которой была Япония, японские рыбопромышленники продолжали эксплуатировать рыбные богатства морей Дальнего Востока. Так, по данным дальневосточной статистики, в 1922 г. 91 японский рыбопромышленник эксплуатировал 264 рыболовных участка из 272. Было добыто 680,9 тыс. коку (1089,4 тыс. пудов) рыбы, произведено 709 тыс. ящиков консервов. На рыбном промысле трудился 10 041 японец⁷. На собственный внутренний рынок промышленники

вывезли 9250 тыс. пудов различной рыбопродукции (рыба и икра японского посола, сельдь в свежем виде, ракообразные) на 16,8 млн иен⁸.

Новый рыболовный сезон 1923 г. поставил перед японскими рыболовными кругами задачу найти пути соглашения с советскими органами. В связи с этим советскому представителю на Дальнем Востоке А.А. Иоффе, который с апреля 1923 г. вёл переговоры об установлении дипломатических отношений между СССР и Японией, советским правительством было поручено провести переговоры с японскими промышленными кругами о японском рыболовстве в советских водах, о задолженности Японии за эксплуатацию русских рыболовных промыслов в 1921—1922 гг. Однако японская сторона стремилась эти переговоры осложнить. Так, например, «Геге кумией кабусики кайся» (Общество японских рыбопромышленников) настойчиво требовало признать за своими соотечественниками право беспрепятственного лова рыбы в территориальных водах Дальнего Востока России, а также получать арендную плату от рыбопромышленников, лишив этого права соответствующие советские органы.

2 марта 1923 г. Совнарком (правительство) РСФСР принял постановление о порядке эксплуатации рыбных и морских звериных промыслов на Дальнем Востоке, на основании которого иностранные граждане получили право вести рыбную ловлю в пределах советских вод при наличии соответствующих патентов от властей России.

Японские рыбопромышленники вначале игнорировали это постановление. Они попытались сохранить прежний «свободный лов» в советских территориальных водах. И даже вознамерились получить признание за ними права продолжать эксплуатацию рыбных промыслов как прежде. «Геге кумией кабусики кайся» отправило во Владивосток своих представителей Цуцуми, Накамуру, Окимото и других, чтобы подтвердить выдвинутые промышленниками требования. Но эта миссия, как и другие подобного рода попытки рыбопромышленников, успеха не достигла.

Твёрдая позиция России в отношении своих прав привела к заключению в Токио 21 мая 1923 г. соглашения о ведении рыболовства в советских территориальных водах. На его основе во Владивостоке была создана комиссия по определению задолженности японских рыбопромышленников за 1921—1922 гг. Её возглавил уполномоченный Наркомпрода и Главрыбы Ф.И. Андрианов. В комиссию вошли и японцы: представители общества «Кумией» Танакамура и Сасаки и консул Японии во Владивостоке Таметаро Ямагучи (глава делегации).

Первое заседание было назначено на 15 мая 1923 г., но японцы его проигнорировали. Только 1 августа комиссии удалось собраться, но её работу стала затягивать японская сторона. Так, в комиссию от общества «Кумией» поступил меморандум по поводу определения задолженности, в котором отмечалось: «1. Остатки арендной платы за 1921—1922 годы, сданные «Кумией» в депозитивы в японские банки в размере 300 тыс. иен, с процентами передаются Русской стороне. 2. Обществу предлагается довыскачать арендной платы в размере свыше 240 тыс. иен, т.е. 550 тыс. иен будет передано русской стороне в конце текущего года (27 октября 1923 г.)»⁹.

Но в этом документе ничего не было сказано о недоимках по неустойкам и штрафам, причитавшимся за 1918—1922 гг., а также о допущенных японцами нарушениях правил рыболовства и основных условий, установленных при эксплуатации морских промыслов. Такие нарушения были зафиксированы в 407 протоколах.

И меморандум был отклонён советской стороной.

Японских рыбопромышленников очень волновало решение вопроса о рыболовных торгах в 1923 г. Они понимали, что государственные органы России не допустят больше бесконтрольного хозяйничанья японских рыболовных компаний в русских территориальных водах. Это беспокойство было вызвано и тем, что японские предприниматели задолжали России 36 млн иен. Л.Н. Кутаков в книге «История советско-японских дипломатических отношений» называет в числе должников такие компании, как «Мацура Есимицу» (4,7 млн иен долга), «Судзуки» (4,2 млн иен), «Мицуи Буссан» (4 млн иен), «Камадзава Дзинта-ро» (1,97 млн иен), «Цуцуми Сейроку» (1,9 млн иен), «Хара Гомей» (1,8 млн иен), «Кавара Сейроку» (1,55 млн иен), «Окура» (1,1 млн иен)¹⁰.

То, как в условиях новой экономической политики в области рыболовства складывались отношения между советскими рыболовными органами и японскими рыбопромышленниками на торгах 1923 г., отмечает в своём докладе уполномоченный Наркомпрода и Главрыбы Ф.И. Андрианов: «Прежде всего они (японские рыбопромышленники) заявили о нежелании выступать на торгах, т.к. намеревались взять оптом необходимое количество участков на сумму по соглашению. Это заявление было поддержано японским консулом во Владивостоке. Однако желание японцев удовлетворено не было. После этого японский консул и представители рыбопромышленников торгами, видимо, не интересовались, а также не интересовались пролонгируемыми участками, пропустив данный срок. Из Японии приходили частные сведения, что японцы на торги не приедут, и в силу этого появились уже некоторые опасения, что они станут продолжать лов под охраной военных кораблей.

Однако за несколько дней до торгов представители японских рыбаков явились в управление Дальрыбы и заявили о своём желании участвовать в торгах, но высказывали ряд сомнений, в частности, что оценка участков будет высока. В конце концов соглашение состоялось. Оно заключалось в том, что 253 участка должны были быть оценены не больше чем в 1150 тыс. руб.

28 марта японцы явились для взноса долга, но тут же выдвинули ряд новых требований, из которых были удовлетворены два — в освобождении их от 5% сбора на разведывание и от уплаты местных налогов»¹¹.

30 марта управляющий Дальрыбой Т. Борисов в письме подтвердил доверенным лицам японских рыбопромышленников, что получен залог в 500 тыс. иен в счёт того, что 1 апреля японцы будут участвовать в торгах, и тогда эти деньги будут обращены на погашение задолженности¹².

По окончании торгов японские рыбопромышленники заарендовали 323 действующих рыболовных участка из 361 заторгованных. На долю

японского рыболовного капитала пришлось 62% общей суммы от арендованных участков, а на русский частный только 10%, госпромышленности — 8%, рыболовных артелей — 4%¹³.

В ходе рыболовного сезона 1923 г. японские рыбопромышленники добыли 3510,7 тыс. ц рыбы (или 49,7% общей её добычи на Дальнем Востоке), произвели рыбопродукции на 16310,7 тыс. золотых руб. (или 68% общего производства в регионе). Промыслом рыбы занимались 18 012 японцев¹⁴.

Деятельность советско-японской комиссии во Владивостоке продолжалась и в 1924 г. Советской стороной была окончательно определена сумма задолженности японских рыбопромышленников в размере 2700 тыс. иен. Разработан был и порядок уплаты задолженности: «для окончательного урегулирования вопроса о задолженности японская сторона, кроме внесения 1 млн иен господину Иоффе в Токио и 55 тыс. иен чеком в кассу Дальрыбы, обязана внести ещё 1 млн 200 тыс. иен в течение трёх лет: к 1 декабря 1924 г. — 400 тыс. иен, к 1 декабря 1925 г. — 400 тыс. иен и к 1 декабря 1926 г. — оставшиеся 400 тыс. иен...»¹⁵. В сумму 2750 тыс. иен входили все взаиморасчёты между Дальневосточным рыбным управлением РСФСР и японскими рыбопромышленниками, произведённые до 1923 г., за исключением сумм, причитавшихся за эксплуатацию Амурского лимана в период 1920—1922 гг.

При выполнении вышеуказанных обязательств русская сторона гарантировала предоставление в аренду японским рыбопромышленникам морских рыболовных участков.

9 марта 1924 г. консул Японии во Владивостоке Таметаро Ямагучи как глава делегации сообщил в письме советской стороне, что японские промышленники считают необходимым определить всю сумму задолженности за 1921—1922 гг. в 1 651 633,9 иен, из которых 1 млн уже вручён А. Иоффе в Токио, а остальные 651 633,9 иен собраны и внесены рыбопромышленниками в соответствующий банк и будут переданы русским властям одновременно с заключением рыболовного договора на сезон 1924 г.

6 апреля 1924 г. переговоры были завершены. Японские рыбопромышленники согласились с оценкой задолженности в 2750 тыс. иен, из которых 1550 тыс. иен были внесены ещё 16 марта в кассу Дальрыбы, а на остальные предоставлялась расписка на три года с погашением ежегодно по 400 тыс. иен плюс 8% годовых. Сумма в 1200 тыс. иен обеспечивалась векселями владивостокского отделения японского Чосен Банка¹⁶.

Дополнительно к этому на торгах 1924 г. советское правительство уведомило японских промышленников о том, что увеличивает арендную плату на 15%, а японцы дополнительно обязаны будут внести 5% на нужды рыборазведения. На каждом арендованном участке вводилась норма вылова, запрещалась выработка тука из всех пород рыб. Для государственной промышленности были изъяты из торгов 15 лучших рыбопромысловых участков¹⁷.

Новые требования не остановили японских рыбопромышленников: на торгах 6 апреля они заторговали 219 морских участков на 1152 тыс. золотых руб. и внесли залог в размере 50% общей суммы. А всего в аренде

на 1924 г. у них находилось 234 морских рыболовных и 14 крабовых участков с арендной платой в 12,7 млн руб. золотом¹⁸. Впервые срок аренды рыболовных участков определялся в три года.

Приняв условия советской стороны, японские предприниматели не прогадали. По данным Хакодатской таможни, рыночная стоимость рыбных продуктов, поступивших на японский рынок из улова 1924 г., составила 40 137 тыс. иен при расходах на заготовку этих продуктов в 15 415 тыс. иен. Непосредственно в Японии на внутреннем рынке было реализовано рыбопродукции на 21 727 тыс. иен (54,2%) и вывезено на внешний рынок — в Англию (22,0%), США (3,7%), Китай (8,0%), в другие страны — 12,1%¹⁹.

Однако соглашение 1924 г. носило временный характер, так как определяло условия рыболовства только на один сезон. Японские рыбопромышленники его нарушали, незаконно проводя «свободный лов» на ряде участков, не сданных им в аренду, что вызвало со стороны советского правительства специальную ноту протеста от 18 сентября 1924 г.²⁰

Дальнейшее развитие отношения двух стран в области рыболовства получили после 20 января 1925 г., когда в Пекине советским послом Л.В. Караханом и послом Японии Кенкити Иошизавой была подписана «Конвенция об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией». Возобновившиеся дипломатические отношения способствовали, с одной стороны, установлению более тесных торговых и хозяйственных связей между Японией и Дальним Востоком РСФСР, а с другой — ускоренному проникновению на международный рынок русской рыбопродукции. Тем более что в статье 3-й конвенции было оговорено, что правительства «приступят к пересмотру рыболовной конвенции 1907 г., приняв во внимание те перемены, которые могли иметь место в общих условиях со времени заключения указанной рыболовной конвенции»²¹.

Установление дипломатических отношений между СССР и Японией, а на этой базе заключение соглашения в области рыболовства создали определённую договорно-правовую базу экономического сотрудничества между странами. Вместе с тем как политические, так и экономические отношения между ними в течение 20-х гг. продолжали оставаться весьма неустойчивыми.

Отсутствие политической стабильности между государствами не могло не сказаться на дальнейшем развитии советско-японских отношений в области рыболовства. В конце 1925 г. была созвана специальная конференция, посвящённая этой проблеме, но она не увенчалась успехом. В связи с разногласиями по многим позициям, выдвигавшимися обеими сторонами, переговоры по рыболовству затянулись до 1928 г.

В 20-е гг. Япония продолжала сохранять динамичное рыбное хозяйство. Она занимала первое место в мире по вылову рыбы, добывая от 28 до 45 млн ц. Как отмечает И. Кельин, «в Японии в 20-х годах рыболовством было занято 700 тыс. семей (приблизительно 3 млн человек). Чрезвычайно большая береговая линия островов — 28 тыс. км — усеяна почти сплошь рыбацкими посёлками, жители которых сроднились с морем. На Хоккайдо для 70% жителей рыбная ловля — главный источник суще-

ствования. В удачные годы стоимость рыбопродукции составляет сумму в 70 млн руб.»²². При общей численности рабочих в 10,9 млн чел. (1920 г.) рыбаки составляли свыше 12%²³.

В то же время японцы не ограничивались промыслом в собственных территориальных водах, а продолжали и после войны сохранять свой интерес к рыболовству и в русских водах. По японским сведениям, общая ежегодная добыча рыбы Японией в советских водах оценивалась приблизительно в 45 млн иен, причём японская таможня исчисляла чистую прибыль рыбопромышленников в 15 млн иен²⁴.

Интенсивно развиваясь под непосредственным покровительством своего правительства, японская рыбопромышленность на Дальнем Востоке сохранила мощные предприятия и фирмы, связанные между собой общими экономическими интересами и объединённые в Союз японских рыбопромышленников на русской территории («Суйсан Рорио Кумиай»).

В 1919—1924 гг. в японском рыболовстве произошла серия объединений предприятий и фирм, завершившаяся созданием гигантской корпорации, монополизировавшей все курильско-камчатские промыслы. Она получила название «Ничиро геге кабусики кайся» (Русско-японская рыболовная компания). Многие предприятия корпорации занимались ловлей и обработкой морепродуктов на промыслах Камчатки ещё в дореволюционное время.

В марте 1921 г. в неё влились и крупнейшее акционерное общество на русской территории «Юсюцу Секухин Кабусики Кайся», и фирма «Камчатка геге кабусики кайся», основной капитал которой составлял 5 млн иен²⁵. В результате слияния этих компаний в единую капитал «Ничиро...» составил 25,7 млн иен, общая прибыль от эксплуатации камчатских промыслов стала составлять ежегодно 40 млн иен.

В ноябре 1924 г. «Ничиро...» подчинила себе фирму «Тайхоку геге кабусики кайся» (Рыбопромышленное акционерное общество Великого Севера), организованную в ноябре 1922 г. на средства, вложенные «Ничиро...» и «Мицубиси», с капиталом в 6 млн иен. В процессе своей деятельности фирма эксплуатировала 14 рентабельных промыслов русского Дальнего Востока и 3 консервных завода, выпуская продукции на сумму до 14 млн иен.

В состав «Ничиро...» вошло акционерное рыбопромышленное общество «Минами карафуто кабусики кайся», действовавшее на Южном Сахалине и занимавшееся добычей сельди и лососёвых пород рыб на западном и южном побережье острова. Общество было основано в 1921 г. с первоначальным капиталом в 500 млн иен²⁶.

На Дальнем Востоке действовало также акционерное общество «Хоккай сейкан сохо кабусики кайся», производившее для предприятий северных промысловых районов консервную банку. Общество было основано в Ота-ру в 1921 г. с капиталом в 1 млн иен, мощность баночных линий составляла 150 млн штук в год.

Акционерное общество «Хоккуйю кабусики кайся» было образовано в апреле 1918 г. «Мицубиси» и русским рыбопромышленником Г. Демби с капиталом в 5 млн иен. Оно владело монопольным правом на покупку рыбы в пределах русского Дальнего Востока. В 1921—1922 гг. это

право было аннулировано самими же японцами, и общество в октябре 1922 г. объединилось со всеильной «Ничиро...».

К 1927 г. фирма «Ничиро...» стала не только концерном, располагавшим крупным капиталом, но и монополистом среди японских рыбопромышленных предприятий, фирм и обществ, действовавших в советских водах (см. табл. 1).

Таблица 1

Деятельность «Ничиро...» на советском Дальнем Востоке в 1926 г.

	Всего рыболовных участков на Дальнем Востоке	В том числе		Промыслы, эксплуатируемые «Ничиро...»	Промыслы «Ничиро...» в процентном отношении к промыслам		
		советские промыслы	все японские промыслы		ДВК	советским	ко всем японским
Число промыслов	622	374	243	111	18,0	30,0	45,0
Число консервных заводов	26	5	21	19	73,0	380,0	90,0
Всего рабочих и служащих	34 270	14 152	20 118	12 802	37,0	90,0	64,0

(Таблица взята из статьи: Дьяков А. Валовая продукция ценовой рыбопромышленности Дальневосточного края за 1926 г. (краткие предварительные итоги переписи 1926 г.) // Статистический бюллетень. Хабаровск—Владивосток, 1927 г. № 3—4 (30—31). С. 67. Авт.).

Как видно из данных таблицы, в 1926 г. «Ничиро...» эксплуатировала около 1/5 всех действовавших на Дальнем Востоке ценовых промыслов, на которых было занято более 1/3 персонала. Валовая продукция составляла не менее половины продукции всей дальневосточной рыбной промышленности.

Являясь крупной кооперативной организацией, «Ничиро...» опиралась в своей деятельности на финансы крупнейших концернов Японии — «Мицуи» и «Мицубиси»; в состав её правления входили несколько высокопоставленных лиц, влиявших на экономику страны. Автор экономического обзора «Японская рыбопромышленность в русских водах» Кинато Есио так прокомментировал образование концерна: «...устранилась наследственно существовавшая между рыбопромышленниками вражда и рознь. В интересах работы рыбопромышленники объединились и за два года собрали самую большую жатву»²⁷.

«Ничиро...» укрепила свои позиции и в рыбоконсервном производстве: из 26 действовавших в Дальневосточном крае консервных заводов 19 работали на концерн и в 1926 г. ими было выпущено 95% всех консервов. Всего же за 1923—1926 гг. «Ничиро...» было произведено 1866 тыс. ящиков рыбных консервов, что составило 61,7% общего японского производства²⁸.

Если подвести общие итоги, то просматривается следующая картина деятельности концерна в русских водах в области рыболовства.

Так, по отношению ко всей отечественной рыбопромышленности в советских водах «Ничиро...» эксплуатировала 45% рыболовных участков, 90% консервных заводов, выпуская на них в отдельные годы до 98% различных консервов, производила 74% всей валовой продукции, на её предприятиях было занято 64% всех рабочих и служащих.

Советская рыбная промышленность (государственная, кооперативная и частная) по своим производственным показателям значительно уступала в деятельности концерну: валовая его продукция превышала продукцию советской отрасли в 1,5 раза, а по производству консервов — в 24 раза.

Основным районом деятельности рыбопромышленников Японии оставался Камчатский с его богатыми рыбными и крабовыми промыслами. Так, в 1922 г. здесь на 264 рыболовных участках с числом рабочих 18 516 чел. было заготовлено 709 554 ящика рыбных консервов, а в 1926 г. на 243 участках с числом рабочих 18 919 чел. — 1 224 725 ящиков.

Динамика развития рыболовства Японии связана с активным применением тралового промысла. Впервые японские рыбопромышленники испытали на добыче рыбы рыболовный траулер в 1907 г., а в 1908 г. — второй. К началу 1909 г. уже эксплуатировалось 32 паровых рыболовных траулера.

В 1921—1926 гг. уже эксплуатировалось ежегодно от 57 до 70 паровых рыболовных траулеров, которыми добывалось в среднем от 290,8 тыс. до 455,3 тыс. коку рыбы (436,2—682,9 тыс. ц) на сумму от 8016 до 9078 тыс. иен²⁹.

Оснащение рыбного промысла Японии высокопроизводительными судами сказалось на увеличении лова рыбы в открытом море. Так стоимость морского лова в 1909 г. равнялась 4,5 млн иен, в 1919 г. — 27,5, в 1923 г. — 65,3 и в 1925 г. — 72,2 млн иен³⁰.

К этому типу судов относились и плавучие крабконсервные заводы. Их использование позволило японским промышленникам интенсивно добывать в советских водах краба. Практическое применение краболовов в Японии началось в 1920 г. у берегов русской части о. Сахалина. В последующие годы район действия японских краболовов переместился к западному берегу Камчатки, сахалинскому побережью Татарского пролива и заливу Петра Великого. В 1926 г. в этих районах действовало 12 краболовов.

В то же время японские промышленники сохраняли производство крабовых консервов на береговых консервных заводах. Только на побережье Камчатки работало в разные годы от 15 до 20 консервных заводов, на которых изготовлялось ежегодно до 615 тыс. ящиков консервов из рыбы и крабов на 11,4 млн иен³¹. Основными производителями консервов были концерны «Ничиро...» и фирма «Тайхоку» (см. табл. 2).

Как видно из данных таблицы, японские рыбопромышленники, резко сократив производство крабовых консервов из добычи в своих водах, увеличило его в русских территориальных водах, особенно на плавучих консервных заводах: с 8321 до 229 266 ящиков, т.е. в 27,5 раза.

Производство рыбопродукции и консервов на русском Дальнем Востоке составляло большую часть доходов японских промышленников, так как значительное их количество отправлялось на экспорт в Англию, США,

Таблица 2

Производство японскими промышленниками крабовых консервов в русских и японских территориальных водах в 1922—1926 гг. (в ящиках)

Год	Произведено консервов в территориальных водах Японии	Произведено консервов в территориальных водах Дальнего Востока России	
		на японских плавучих заводах	на японских береговых заводах Камчатки
1922	106 425	8 321	16 351
1923	138 202	35 690	25 313
1924	122 225	42 100	26 808
1925	77 780	109 759	72 967
1926	53 829	229 266	62 159

Примечание. Таблица составлена автором на основании: [ЦГАНХ. Ф. 8199. Оп. 2. Д. 28. Л. 52; ГАХК. Ф. 535. Оп. 1. Д. 33. Л. 50; Д. 237. Л. 48; ГАПК. Ф. 633. Оп. 4. Д. 16. Л. 2].

Китай и другие страны. Так, в 1922—1926 гг. на китайский рынок было вывезено рыбопродукции и консервов на 479 млн иен, ляодунский — на 7, гонконгский — на 32,8, в США — 2,8 и на Гавайи — на 5,5 млн иен³². Это говорит о том, что Япония, добывая продукты моря в советских водах, оставляла внутри страны только 52—56% произведённой продукции, остальная шла на экспорт. Так, в 1923 г. крабовые и рыбные консервы, произведённые на заводах Камчатки, японские промышленники направили в Англию (через Японию) на 14 млн руб., в США — на 400 тыс. руб.³³.

Оставаясь наиболее серьёзным участником в разработке и потреблении рыбных богатств Дальнего Востока, японская рыбопромышленность обеспечивала свои промыслы всем необходимым. Из Японии завозили рис, соль, рыболовные сети, кунгасы, мануфактуру и одежду, каменный уголь и кокс, железо, машины и лес, деревянные изделия и банки для консервов. Так, по сведениям газеты «Майници симбун» и другим данным, в 1922 г. на японские промыслы на Дальнем Востоке России было завезено различного снаряжения и продуктов на 25,4 млн иен, в 1923 г. — на 26,3 и в 1924 г. — на 24,7 млн иен.

Наиболее сложной проблемой в дальневосточной рыбной промышленности Японии из-за краткости рыболовного сезона всегда была квалифицированная рабочая сила, которую было трудно найти среди русского населения. Поэтому на своих промыслах японские рыбопромышленники использовали в основном национальные кадры ловцов, подсобных рабочих, матросов, грузчиков, главным образом (60%) выходцев из крестьян.

В 1923 г. на всех промыслах Дальнего Востока из общего числа работавших было занято 71,2% японских рабочих, в 1924 г. — 71,4%, в 1925 г. — 66,4%, в 1926 г. — 69,6%, а в среднем — 69,7%. Если же исходить из средней сезонной оплаты труда японского рабочего в 140—200 руб., то за рыболовный сезон в 2—3 месяца в Японию уходила сумма в размере 45,4 млн руб. Это свиде-

тельствует о глубоком экономическом проникновении Японии в рыболовство Дальнего Востока России. И японские промышленники продолжали, как и в дореволюционные годы, выступать монополистами в использовании богатств промысловых вод российского Дальнего Востока (см. табл. 3).

Таблица 3

Основные показатели развития морского промысла Японии за 1923—1926 гг.

Основные показатели	Един. изм.	1923 г.	1925 г.	1926 г.
Валовая продукция рыбного лова: в том числе в прибрежных водах	млн иен	251,0	258,0	227,0
	млн руб.	240,9	247,6	217,9
в дальних водах	то же	65,0	72,0	85,0
		62,4	69,1	81,6
японский улов в российских водах Дальнего Востока	тыс. коку	385,0	250,0	632,0
	тыс. ц	1108,0	7200,0	1820,1
Экспорт морепродуктов	млн иен	19,9	22,6	22,7
	млн руб.	19,1	21,7	21,8

Примечание. Таблица составлена автором на основании: [Попов К. Япония. Очерки географии и экономики. М.—Л., 1931. С. 409].

Участие японской рыбной промышленности в эксплуатации вод российского Дальнего Востока являлось подавляющим. На долю японского сектора приходилось 58,3% общего вылова лососёвых и почти 90% крабов, стоимость продукции составляла 61,0% общей добычи в Тихоокеанском бассейне. Из сумм вложенных основных капиталов в виде промышленного оборудования и промыслового снаряжения на долю японского сектора приходилось 78,4%, причём японский капитал — это по преимуществу дорогостоящее заводское оборудование (консервные заводы).

Сведения о мощности японской рыбной промышленности в российских водах подтверждаются и данными, опубликованными в газете «Токио ницци симбун» 23 февраля 1925 г.: «Всего в дальневосточных водах работает до 250 японских рыбопромышленников, нанимающих для работ на промыслах до 25 тыс. рабочих. Капитал, вкладываемый в рыбопромышленность, доходит до 25 млн иен ежегодно. Промыслы обслуживаются 300 судами с тоннажем до 150 тысяч тонн. Стоимость ежегодного улова составляет 34 млн иен или на одного рабочего, занятого на промысле, падает в среднем до 1400 иен выработки продукции. За 13 последних лет японцами вывезено за границу с дальневосточных промыслов 47 433 106 ящиков разных консервов на сумму до 25 млн иен».

Таким образом, в 20-е гг. на Дальнем Востоке Япония продолжала оставаться наиболее серьёзным участником в разработке и потреблении рыбных богатств Дальнего Востока России. Такова, увы, была реальность того времени.

- ¹ Кутаков Л.Н. История советско-японских дипломатических отношений. М., 1962; он же. Россия и Япония. М., 1990.
- ² Японская историография русско-японских и советско-японских отношений XIX—XX веков. Сб. науч. трудов. Владивосток, 1987.
- ³ Россия и Япония в исследованиях советских и японских учёных. М., 1986.
- ⁴ Моисеев П.А. Рыболовство Японии. М., 1967; Куцобипа Н.Е. Рыбное хозяйство Японии. М., 1979.
- ⁵ См. История японской дипломатии. Т. 15. Токио, 1970 (на яп. яз.); Накамура Синтаро. Японцы и русские. Из истории контактов. М.; 1983. (пер. с яп.); Накаяма Х. Царская Россия и иностранный капитал. Токио, 1988 (на яп. яз.); Японо-русское рыболовство и новые договоры. Токио, 1928 (на яп. яз.).
- ⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 262.
- ⁷ Попов К. Япония. Очерки географии и экономики. М.—Л., 1931. С. 284; Три года строительства в Дальневосточном крае (Отчёт Дальревкома за 1922—1925 гг.). Хабаровск, 1926. С. 143.
- ⁸ Никифоров П. К советско-японским торговым отношениям // Внешняя торговля. 1924—1925. № 8—9; Бюллетень рыбного хозяйства. 1924. № 11—12. С. 32.
- ⁹ ГАПК. Ф. 633. Оп. 7. Д. 7. Л. 9.
- ¹⁰ Кутаков Л.Н. История советско-японских дипломатических отношений. М., 1962. С. 22.
- ¹¹ Рыбное хозяйство Дальнего Востока. Доклад Дальневосточному экономическому совещанию Уполнаркомпрода и Главрыбы Андрианова. Владивосток, 1923. С. 30.
- ¹² ГАПК. Ф. 633. Оп. 2. Д. 39. Л. 1.
- ¹³ Арнольд И.П. Рыбная промышленность. М.—Л., 1926. С. 47; Экономическая жизнь. 1924. 14 февраля.
- ¹⁴ ГАХК. Ф. 353. Оп. 1. Д. 33.
- ¹⁵ ГАПК. Ф. 633. Оп. 7. Д. 7. Л. 22.
- ¹⁶ Там же. Оп. 2. Д. 39. Л. 31, 34, 37.
- ¹⁷ Там же. Оп. 7. Д. 7. Л. 24.
- ¹⁸ ЦГАНХ. Ф. 764. Оп. 5. Д. 88. Л. 81.
- ¹⁹ Гачегилдизе А. Рыбное хозяйство и рыбоэкспорт Дальнего Востока // Внешняя торговля. 1925—1926. № 9—10. С. 11.
- ²⁰ ЦГАОР СССР. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 224. Л. 43.
- ²¹ Известия. 1924. 27 февраля.
- ²² Кельин И. Япония. Культурно-исторический и экономический очерк. Л., 1924. С. 50.
- ²³ Статистический бюллетень. Хабаровск—Владивосток, 1927. № 3—4 (30—31). С. 62.
- ²⁴ Вестник Маньчжурии. Харбин. 1927. № 5. С. 79.
- ²⁵ ГАПК. Ф. 633. Оп. 7. Д. 11. Л. 2а.
- ²⁶ Там же. Л. 9б, 10.
- ²⁷ См. Ткачук К. Японская рыбопромышленность на Камчатке // Камчатская правда. 1931. 3 апреля.
- ²⁸ ГАПК. Ф. 633. Оп. 7. Д. 7. Л. 2.
- ²⁹ Рыбное хозяйство СССР. М., 1938. 16. С. 56.
- ³⁰ ГАПК. Ф. 633. Оп. 7. Д. 7. Л. 26.
- ³¹ Там же. Д. 24. Л. 31 об.
- ³² Рыбное хозяйство Дальнего Востока. 1931. № 5—6—7. С. 46; Сибирь и Дальний Восток. Справочная книга по вопросам хозяйства Сибири и Дальнего Востока. М.—Л., 1926. С. 482. (Подсч. авт.).
- ³³ Экономическая жизнь. 1924. 14 февраля; Новый Восток. М., 1928. Кн. 22. С. 145.